

ВОСТОЧНЫЕ РЕЛИГИИ И ОХРАНА ЖИВОТНОГО МИРА

В.Н. Грищенко

East religions and protection of the animal world. - V.N. Grishchenko. - Berkut. 11 (1). 2002. - Influence of east religions on the nature conservation is discussed (see articles by V.E. Boreyko and E.A. Lebed in previous issues of the journal). Situation of animal protection in Japan, India, China and some other countries is considered. It is impossible to say, that it is essentially better here. Influence on the nature is determined by interests of the man. They are almost equal in all countries. East religions are not efficient in animal protection than "west" ones. Religions, folk traditions and lore can greatly help in the nature conservation, but only together with the science. Feeling cannot replace action. Action has to be based on the knowledge. The development of new ideology and philosophy of the nature conservation is necessary. We should use all experience accumulated by mankind and lean on folk traditions and lore, but they have to be selected and revised. [Russian].

Key words: nature conservation, rare species, religion, environmental ethics.

Address: V.N. Grishchenko, Kaniv Nature Reserve, 19000 Kaniv, Ukraine. E-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua.

В последних номерах журнала опубликован ряд статей, посвященных роли восточных религий в охране птиц (Борейко, 1999а, 2001; Лебедь, 2000). Хочу продолжить эту тему.

Прежде всего, с сожалением должен отметить, что подобные дискуссии ведутся между одними и теми же авторами. Наши уважаемые ученые коллеги или не интересуются такими вещами как экофилософия и идеология охраны природы, или не рискуют ввязываться в подобные дебаты. А жаль. Мы готовы осветить любые точки зрения.

Попробуем проанализировать, насколько действенны в плане охраны природы восточные религии и традиции. Для этого сначала немного попутешествуем по загадочному Востоку.

По странам и континентам

Япония

Когда речь заходит о природе и Востоке, как же обойти стороной Японию. Тут принято говорить о загадочной японской душе, об особом восприятии природы японцами, цитировать танка и хайку и т. д. Вот

информация из одного из интернетовских сайтов, посвященных культуре Японии*.

Поклонение природе, свойственное всем народам в древности, у японцев укоренилось и обрело дальнейшее развитие благодаря национальной религии синто, обожествлявшей разные природные явления – горы, скалы, водопады, деревья, реки... Этому же способствовал и буддизм, получивший распространение в Японии с VI в. н. э. и утверждающий, что все в мире – образы Будды, все требует глубокого почитания. Для японцев природа осталась воплощением универсальных законов Вселенной, в которой человек отнюдь не главенствующая частица. Единение с Природой помогает людям обретать более верное понимание вещей и самих себя, дает, кроме того, истинное отдохновение и светлую радость. На этом основана сложившаяся постепенно уже к эпохе Хэйан (VIII–XII вв.) многообразная эстетико-философская система сопереживания природе. Особое внимание уделялось смене сезонов года. С каждым из них были связаны свои обычаи и обряды. Природа была частью жизни людей, и отклик на ее состояния входил в этикет общения. По сей день в Японии общепринятой вежливостью считается начинать

* Точка зору автора може не співпадати з позицією редакції.

* <http://www.jtm.ru/japanaz/p21.shtml>.

письмо сезонным абзацем, то есть сказать несколько слов о погоде и природе. Японцы полагают, что тому, кто не воспринимает красоту природы, особенно луны и дождя, нельзя доверять ни в чем, поскольку у него “сердце из камня”. Ну и так далее...

Все это, в принципе, правильно. Но. Ох, уж это проклятое “но”. Все это ничуть не помешало японцам активно заниматься истреблением животных.

Когда к началу XX в. благодаря очередной моде на украшения из перьев сильно возрос спрос на них, началось массовое избиение птиц. “Японцы стяжали себе известность в этой области, – писал Ж. Дорст (1968, с. 77), – беспощадно истребляя птиц в истинно промышленных масштабах и охотясь на них не только в своей стране и на близлежащих островах, но и на значительно более удаленных территориях. Они организовывали экспедиции по сбору перьев на всех островах Тихого океана, уничтожая бесчисленное количество птиц”.

Благодаря злополучной моде на перья ряд видов птиц Юго-Восточной Азии и Тихого океана оказались на грани исчезновения. Белоспинный альбатрос (*Diomedea albatrus*) еще в XIX в. был многочисленной птицей. Только на о. Торисима гнездилось около 100 тыс. особей (Винокуров, 1992). После заселения острова в 1887 г. японские собиратели перьев всего лишь за 17 лет уничтожили около 500 тыс. альбатросов. Они убивали насиживающих птиц палками прямо на гнездах, по 100–200 особей в день (Дорст, 1968). К 1929 г. осталось всего 2000 альбатросов. Несмотря на все попытки японских орнитологов организовать охрану уникальной колонии, избиение продолжалось, по крайней мере, до 1934 г. Еще в сезон 1932/1933 гг. на острове было убито более 3000 альбатросов, после чего здесь насчитали менее ста особей (Фишер и др., 1976). Другая жертва – желтоклювая цапля (*Egretta eulophotes*), обитатель Кореи и Китая. Сейчас ее численность, вероятно, не превышает нескольких тысяч особей (Винокуров, 1992).

Охота шла за красивыми белыми перьями. И все это при том, то белый цвет в Японии считается императорским. Чистобелые животные неизменно преподносятся императорам и используются в синтоистских ритуалах. Император ездит только на белом коне (Thiede, 1982). Традиции и религиозные ритуалы – это одно, а звенящие денежки в кармане – совсем другое.

Японские военные, оккупировавшие остров Уэйк в Тихом океане во время второй мировой войны, полностью уничтожили обитавшего там эндемичного уэйкского пастушка (*Rallus wakensis*). Голодающие солдаты нашли в этой птице неплохое пополнение рациона. После 1945 г. уэйкский пастушок уже не встречался ни разу (Винокуров, 1992; Luther, 1995; Fuller, 2001). В первой половине XX в. на о-вах Рюкю исчез серебристоспинный голубь (*Columba joiyi*). Наиболее вероятные причины – охота и разрушение местообитаний (Luther, 1995).

Японские суда принимали активное участие в браконьерском промысле морского котика (*Callerchinus arsinus*), калана (*Enhydra lutris*) и китов на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. (Игнатъев, 2001).

Но ладно далекие страны и заброшенные в океане острова. Может быть, принципиально иным отношение к птицам было в самой Японии? Японский журавль (*Grus japonensis*) считался в Стране восходящего солнца священной птицей (почитание его было заимствовано вместе с буддизмом из Китая). Да и вообще в культуре и обычаях стран Юго-Восточной Азии журавли играют не меньшую роль, чем белый аист (*Ciconia ciconia*) в Европе (Грищенко, 2001а). И что в результате? До падения Токугавской династии в 1867 г. японского журавля строго охраняли (прошу обратить внимание – охраняла власть, а не традиции), однако после этого птицы были практически полностью истреблены охотниками (Фишер и др., 1976). К началу XX в. на о. Хоккайдо после длительного интенсивного отстрела

осталось всего 20–30 особей (Винокуров, 1992).

Такая же участь постигла дальневосточного аиста (*Ciconia boyciana*). В средние века он был обычен в Японии, его любили и охраняли. Он даже гнезился в Токио на буддийских храмах. Однако во второй половине XIX в. численность дальневосточного аиста стала быстро сокращаться, в основном из-за нелегальной охоты. Последнее успешное гнездование в Японии отмечено в 1959 г. Исчез он и в Корее, хотя также был любимой птицей, считался вестником удачи (Yamashina, 1962; Фишер и др., 1976; Hancock et al., 1992).

Еще меньше повезло красавцу красноногому ибису (*Nipponia nippon*), по-японски – токи. Крестьяне его недолюбливали и побаивались, считая вредителем рисовых полей. Ибисы питаются мелкими позвоночными и беспозвоночными животными на мелководье, но, кормясь на рисовых полях, вытаптывают ростки риса и ломают стебли. Естественно, восторга у практичных крестьян это не вызывало. К тому же народная молва считала токи вестником всевозможных несчастий. Появление стай этих птиц предвещало снегопады, неурожай и т. п. Для японского крестьянина красноногий ибис олицетворял дикую неукрошенную природу, которая вторгалась на ухоженные поля и разрушала их (Thiede, 1982). Это, кстати, интересная деталь, характеризующая отношения японцев к дикой природе. Немало аналогичных образов можно найти и в верованиях других народов. Тем не менее, токи играл весьма заметную роль в культуре Японии. Его бледно-розовые перья использовались самураями для украшения стрел, причем позволить себе это могли только самые богатые и знатные люди. Из перьев изготавливали различные украшения и предметы для церемоний (Thiede, 1982). Сейчас красноногий ибис принадлежит к наиболее редким птицам мира. Причина банальна – истребление людьми и разрушение местообитаний (Фишер и др., 1976).

Может ли быть примером для подражания страна, поголовно истребившая почти всех своих священных птиц? Все-таки прагматичная, рациональная и давно отошедшая от “дедовских” традиций Западная Европа сохранила белых аистов. Численность их в XX в. сокращалась отнюдь не из-за охоты в местах гнездования. А в Стране восходящего солнца культурные традиции сильны до сих пор. Воистину, загадочна страна Япония. Ее тоже “аршином общим не измерить”.

Ничуть не лучше ситуация и в наши дни. Японский рынок поглощает 95 % всей древесины, вырабатываемой в Тихоокеанском регионе Азии, в Японию уходит 2/3 продукции морского промысла (Гафаров, 2002). Причем, японские компании ведут себя в развивающихся странах нередко просто по варварски. При рубках леса, например, немалый ущерб наносится не только дикой природе, но и коренным народам. Сейчас уже не обязательно вспоминать о Малайзии или Индонезии, немало интересного могут рассказать и жители российского Приморья. Япония является основным импортером шкур пресмыкающихся. В стране работают 4 завода по их выделке, самый большой из них обрабатывает в среднем 650 млн. шкур в год (Даревский, Орлов, 1988).

Индия

Не менее, если не более любимая природоохранниками страна – Индия. Многие распространенные в ней верования проповедуют особое отношение ко всему живому. Я не буду на этом останавливаться, соответствующую информацию можно найти во многих работах (Мантатов, Доржигушаева, 1996; Экологическая, 1997; Борейко, 1999, 2000; Тобиас, 2002 и др.).

В Индии существует целая сеть священных рощ. На их территории находят убежище многие виды животных и растений, сохраняются уникальные экосистемы. Исследования орнитофауны священных рощ, проведенные в окрестностях Калькутты,

показали, что здесь выше численность птиц, подвергающихся прямому преследованию в других местах. Но, как оказалось, из 42 видов гнездящихся наземных птиц только 22 характерны для священных роц и лишь 4 не встречаются на соседних территориях (Deb et al., 1997). Так что роль таких резерватов вряд ли стоит переоценивать.

Под охраной благодаря местным традициям находятся и многие колонии птиц, например индийского клювача (*Mycteria leucoccephala*). Жители деревень гордятся “своими” птицами (Hancock et al., 1992).

Бывают и довольно курьезные ситуации. В Индии с 1997 г. грифы начали страдать неизвестным тяжелым заболеванием, приводящим птиц к гибели. В наиболее тяжелой форме оно протекает у бенгальского (*Gyps bengalensis*) и индийского (*G. indicus*) сипов. Это вызвало большую тревогу у парсов, приверженцев зороастризма. Они традиционно отдают своих покойников на растерзание грифам, чтобы не осквернять священные стихии – огонь, воду, воздух и землю. Парсы намереваются создать программу искусственного разведения этих птиц (Массовая гибель грифов, 2001).

Тем не менее, ни священные роци, ни знаменитый принцип “ахимсы” не смогли предотвратить исчезновение некоторых птиц, обитавших на территории Индии. Черный список дополнили, например, розовоголовая утка (*Rhodonessa caryophyllacea*) и фазаний перепел (*Ophrysia superciliosa*) (Винокуров, 1992; Luther, 1995; Fuller, 2001). На грани вымирания находятся черноголовый трагопан (*Tragopan melanocephalus*), гималайский хохлатый фазан (*Catreus wallichii*), малый флорикан (*Sypheotides indica*), индийский двухполосый бегунок (*Cursorius bitorquatus*), индийский сыч (*Athene blewitti*) и др. (Винокуров, 1992). Причина всего этого, как правило, одна и та же – уничтожение местообитаний и самих птиц.

Не всегда спасают животных и охраняемые природные территории. Благодаря

красивому оперению гималайский монал (*Lophophorus impeyanus*) почти исчез в Кашмире и на севере Пакистана. Там же, где преобладают буддистская и индуистская религии, он считается священной птицей, и охота на него запрещена. Тем не менее, численность его с каждым годом сокращается. Оказывается, монал крайне чувствителен к беспокойству в период размножения: стоит вспугнуть птицу с гнезда, и она туда больше не вернется. В сезон дождей, когда гнездятся эти птицы, в Гималаи приезжает множество людей из южных районов Индии, где становится в это время невыносимо жарко. Но если туристам можно просто запретить посещать охраняемые территории во время гнездования моналов, то с местными сборщиками грибов бороться гораздо сложнее (ван Орден, Паклина, 2001).

В отношении охраны птиц ситуация в Индии ничуть не лучше, чем в других странах. Может, в чем-то даже хуже, поскольку численность населения огромна, а денег на охрану природы, как всегда, не хватает. Можно сколько угодно благоговеть перед дикими животными, но людей нужно чем-то кормить, одевать, обогревать, а это неминуемо ведет к дальнейшему преобразованию природы и сокращению площади нетронутых уголков. Конфликты между людьми и охраняемыми животными случаются на каждом шагу. Одна из главных проблем индийских копытных сейчас – конкуренция с домашним скотом. Его разрешают выпасать даже в национальных парках. Пусть диких животных никто и пальцем не трогает, им просто негде жить. Одомашнивание азиатского буйвола (*Bubalus bubalis*) оказалось для него роковым. Дикая форма сейчас сохраняется только в заповедниках. Пастбища заняты домашним скотом, на полях диких буйволов отстреливают. Их шкура, рога и мясо всегда пользовались большим спросом. Кроме того, с домашним скотом легко распространяются многочисленные болезни (Фишер и др., 1976; Соколов, 1986). Для спасения последних азиат-

ских львов (*Panthera leo persica*), которые сохранились только в национальном парке “Гирский лес”, пришлось запретить на его территории выпас скота, огромное количество которого содержали местные жители (Соколов, 1986). Вспомним и о пресловутых священных коровах. Им разрешается ходить где угодно и есть что угодно. От этого проблемы возникают даже в аэропортах, что уж говорить о диких животных.

Показательна ситуация с азиатским марабу (*Leptoptilos dubius*). В начале XX в. он был обычной птицей в Индии, часто встречался даже в городах. За последние же десятилетия ареал и численность его резко сократились, во многих местах этот вид уже исчез. Связано это с вырубкой лесов, индустриализацией, интенсификацией сельского хозяйства, загрязнением среды обитания химикатами. Проблема осложняется еще и возрастающей конкуренцией с грифами, численность которых очень высока (процветание одних видов неминуемо оборачивается проблемами для других). Но это еще не все. Большая часть деревьев, на которых гнездятся последние марабу в Индии, находится на частных землях, и владельцы часто срезают их для собственных нужд. Аналогичная тенденция отмечается и для черного ибиса (*Pseudibis papillosa*). Индусы относятся к нему вполне толерантно, что очень важно для крупной открытогнездящейся птицы. В Индии он может устраивать гнезда даже рядом с человеческим жильем. Но продолжающаяся вырубка крупных деревьев ставит под угрозу благополучие вида (Hancock et al., 1992).

Достается не только крупным, но и мелким животным. Только в районах Калькутты, Хайрабада и Бомбея ежегодно отлавливается на продажу более 100 000 лягушек. В 1986 г. из Индии и Бангладеш было экспортировано в США, Австралию и Западную Европу более 150 млн. лягушек (Даревский, Орлов, 1988). В результате такой бурной деятельности численность многих видов земноводных резко упала. Сами индийцы могут их и не едят... А ведь ля-

гушки, помимо всего прочего, еще и пища для многих видов птиц и других животных. Нарушается баланс в экосистемах в целом.

Индийцы не смогли сохранить в чистоте священный Ганг, несмотря на все предписания своих религий. Хотя там по-прежнему совершаются регулярные ритуальные омовения для очищения, он давно уже стал одной из наиболее грязных рек в мире.

Есть еще одна проблема, которую не стоит сбрасывать со счетов. В Индии проживает неимоверное количество различных этнических групп. В этой стране говорят более чем на 1600 языках и диалектах!* То, что считается запрещенным у одних народов или племен, вполне могут делать другие. Пример с тем же марабу. У индусов он, как птица-падальщик, считается нечистым и несъедобным. Но некоторые кочевые племена добывают взрослых птиц и птенцов (Hancock et al., 1992). Олень-лира (*Cervus eldi*), вытесненный человеком с его прежних местообитаний, сохранился только в районе оз. Локтак в Манипуре. Здесь был организован резерват. Большинство местных жителей – вегетарианцы и не охотятся на оленей. Но недалеко от резервата есть четыре деревни, население которых не склонно щадить животных (Фишер и др., 1976). В результате, если в 1960 г. популяция оленей насчитывала около 100 голов, то через 15 лет – уже всего 14 (Соколов, 1986).

Второй аспект – деление на касты. Брахман ни за что не станет пахать землю, потому что при этом ей наносятся раны, а это, как и всякое насилие, нарушает ритуальную чистоту. Но земледелием занимаются вайши. То есть речь идет просто о разделении труда, а не об отсутствии насилия над природой. Профессия мясника, забивающего скот, вообще считается нечистой (Панов, 2001). Этим не занимаются представители высших каст. Что не позволено “Юпитеру”, то позволено “быку”. Ну а животному что – не все равно, кто его убьет?

* www.worlds.ru.

Китай

Особого разговора заслуживает китайская и тибетская медицина, тесно связанная с народными традициями и верованиями. Использование частей тела животных для приготовления различных снадобий приносит колоссальный урон многим видам. Именно из-за этого в Китае и соседних странах были практически истреблены многие подвиды благородного (*Cervus elaphus*) и пятнистого (*C. nippon*) оленей. В 1929 г. панты южнокитайского пятнистого оленя (*C. n. kopschi*) стоили от 40 до 70 фунтов стерлингов. Вот свидетельство очевидца: “Поощряемая такими ценами непрерывная охота не принесла бы большого вреда, если бы оленей выслеживали только с обычным ружьем, но китайцы применяют также самострелы, капканы и ловушки. Истребление самих оленей идет параллельно с уничтожением мест их обитания и охотники обычно не щадят ни телят, ни самок” (цит. по: Фишер и др., 1976, с. 175).

Высокий спрос на рога носорогов был основной причиной почти полного истребления их по всему ареалу. Торговля ими велась с незапамятных времен. Рог носорога был частью дани, которая посылалась королем Луанпрабанга императорам Китая и Аннама. Он часто включался в приданое принцессы королевской крови. Перед второй мировой войной рог носорога в Китае вообще скупался на вес золота. Китайские фармацевты используют и другие части тела носорогов: шкуру, мясо, различные органы, кровь, кости и даже мочу (Фишер и др., 1976). Как отмечают многие зоологи, китайцы буквально помешаны на роге носорога и готовы платить за него любую цену. Понятно, что под таким давлением “черного рынка” любые меры по охране становятся малоэффективными, а уж увещевания о священности всего живого, о непричинении зла и т. п. – и вовсе превращаются в пустой звук.

Использование для различных снадобий мускуса кабарги (*Moschus moschiferus*) так-

же приводит к ее массовому истреблению. В Китае численность ее популяции сокращается на 50 % через каждые 5 лет. В Индии, Непале и Пакистане она встречается только в национальных парках. В Китае и Индии мускус отбирали хирургическим методом под местной анестезией. В результате этой процедуры гибло до 70 % самцов (Приходько, 2002).

Широкое применение находят также лекарственные средства из панцирей и других частей тела черепах, спиртовые настойки змей, препараты из ящериц, различных насекомых и т. п. Последствия те же – катастрофическое сокращение численности многих видов.

Благодаря китайским скупщикам на Дальнем Востоке и юге Сибири браконьеры производят сейчас настоящие опустошения. В Приморье цена 1 г желчи бурого (*Ursus arctos*) и белогрудого (*U. thibetanus*) медведей достигает 6–8 долларов. В последние годы китайцы стали скупать также медвежьи лапы (как деликатесный продукт) по 50–100 долларов за комплект. Спрос остается неограниченным. Чаще всего на медведей охотятся на осенней жировке. Опытный охотник способен добыть 3–5 зверей за одно утро. Причем, обычно браконьеры забирают с собой только самое ценное – желчь и лапы (Пикунов, Середкин, 2002).

В Туве китайцы массово скупают панты марала (*Cervus elaphus sibiricus*), лапы и желчь бурого медведя, струю кабарги. Ежегодно уничтожаются тысячи оленей, сотни медведей, кабанов (*Sus scrofa*), кабарог. Сушеные рога марала вывозят за границу КамАЗами. Счет идет на десятки тонн (Орлов, 2002).

Тибет

Отдельно остановимся на Тибете. Многие считают его настоящим “заповедником” старых традиций и дикой природы. Очевидцы описывают баснословное обилие животных, не боящихся человека. Н.М. Пржевальский вообще сравнивал Тибет с первобытным раем, где люди и животные еще

не знали зла и греха. И в наши дни здесь существует немало священных территорий, на которых изобилуют дикие животные. На них даже нарушение тишины считается грехом, а лов рыбы или охота – преступлением. Например, священное оз. Манасарова – край непуганых птиц и зверей. Здесь даже филин (*Bubo bubo*) может часами позировать перед фотокамерой. На озере запрещается не только ловить рыбу, но и плавать на лодке (Паклина, ван Орден, 2000).

Но за пределами священных территорий вся лирика уже заканчивается. Тибетцы почитают лошадей и диких непарнокопытных не меньше, чем индусы коров. Мясо их запрещается употреблять в пищу. Лошади используются лишь для работы. В связи с этим киангу (*Equus hemionus kiang*) – тибетскому подвиду кулана – казалось бы обеспечено безоблачное существование. Но он является серьезным конкурентом за пастбища домашнего скота, и вне священных территорий скотоводы преспокойно убивают киангов (Паклина, ван Орден, 2000). Вспомним, что конкуренция с домашними лошадьми и потрава посевов были одной из причин истребления тарпана (*Equus caballus*) в Российской империи (Кеппен, 1896; Браунер, 1923). Логика действий та же, хотя религии и обычаи разные.

Кроме того, в Тибете, как и в других местах, есть люди, весьма избирательно следующие религиозным догмам. За деньги они готовы нарушить любые запреты. Часть кочевников-скотоводов не считают за грех охоту на диких животных. Они за гроши продают их шкуры проезжим. Что интересно, эти скотоводы легко уживаются рядом с монахами, всецело посвятившими себя вере. Они снабжают монахов молочными продуктами и мясом (ван Орден, Паклина, 2001).

Можно вспомнить и историю. Английский исследователь У. Муркрофт в 1812 г. смог проникнуть в Тибет, выдав себя за кашмирского торговца шерстью. Он несколько лет путешествовал по нагорью, но однажды был убит разбойниками. Француз-

ский путешественник Д. де Ренс также погиб в перестрелке с местными жителями. Неоднократно приходилось прокладывать дорогу с оружием в руках и отряду Н.М. Пржевальского (Паклина, ван Орден, 2000). Если население Тибета не чуралось разбоя и охоты на людей, то что можно говорить об охране диких животных? Не все так радужно и безоблачно и на заоблачных высотах Тибета.

Монголия

В этой стране с давних пор бережно хранят уникальные объекты природы – старые деревья, приметные камни и т. п. Такие памятники природы нередко увешиваются полосками голубой ткани – своеобразными оберегами. Традиционно почитаются и красивые ландшафты. Однако с охраной экосистем ситуация ничуть не лучше, чем в других странах. С севера к Улан-Батору примыкает заповедник “Богдо-Ул”. На нагорье, считающемся священным, раскинулась тайга из кедровой сосны. Но осенью заповедник наполняется шумными толпами горожан, которые собирают кедровые шишки варварским способом – при помощи колота. Бревном, укрепленном на подставках из жердей, бьют по стволу, сильно повреждая кору. Добытчиков с огромными мешками поджидают перекупщики (Микляева, 2002). Между прочим, территория нынешнего заповедника считается священной еще с XII–XIII вв. (Зайцев и др., 1993).

В Монголии объем неочищенных канализационных стоков достигает 40 %. Ежегодно в стране заготавливают около 2 млн. м³ леса для строительства и других нужд, но 60–70 % его идет в отходы. Засаживается же для восстановления леса менее 50 % площадей вырубок (Зайцев и др., 1993).

Таиланд

Приведу одну цитату. “*Тайский охотник пробирается через заросли два часа и своим острым зрением находит самку гиббона с детенышем, спящих высоко на дереве. Жан-Ив Домэлэн описывает то, что*

происходит: “Внизу охотник заталкивает в дуло железным прутком двойной заряд пороха, затем свинцовую пулю. Вспышка высекается двумя кремнями, и ружье выпускает облако дыма. Наверху переполох. Самка, смертельно раненая, цепляется за жизнь. У нее хватает сил на два огромных прыжка с детенышем на левом бедре. С третьим прыжком она промахивается и пытается отчаянно ухватиться за ветку, расположенную ниже. Но силы покинули ее, и пальцы начинают разжиматься. Смерть тут, она окрасила ее бледный мех. Детеныш в ужасе вплющился в окровавленный бок матери. Следует падение с головокружительной высоты, может больше, чем 100 футов, сопровождаемое страшным рикошетом от ствола дерева”.

Задача этой охоты – не убить мать гиббона, а поймать детеныша. К сожалению, в нашем случае его шея сломана, так что патроны израсходованы зря. Охотник пойдет дальше в поисках новых целей” (Риган, 1999, с. 87).

Удивить описанным человеком, занимающегося охраной животного мира, сложно. Подобные вещи случаются не так уж редко. Хочу подчеркнуть только, что происходит все это в стране, в которой 95 % населения – буддисты.* Вот вам и вся “ахимса”.

Есть проблемы и более глобальные. В буддистских Таиланде и Мьянме (Бирме) многие виды животных оказались под угрозой из-за прогрессирующей вырубке тропических лесов.

“Буддизм отстаивает мягкое, неагрессивное отношение к природе. Человек должен собирать природные богатства подобно тому, как пчела собирает нектар с цветка. Пчела не вредит красоте и благоуханию цветка, она собирает нектар, который превращается в сладкий мед” (Борейко, 2000, с. 8). Может, такие установки и действовали в то время, когда людей было

немного, и те могли “довольствоваться малым”, но сейчас они не в силах противостоять натиску цивилизации. Да, буддийские монахи пытаются спасти леса, освящая деревья или даже поселяясь на участках, которым угрожает уничтожение (Борейко, 2000; Крафт, 2001), но деревьев слишком много, и все их не обернешь в святые одежды, а лесорубам тоже нужно с чего-то жить, и сведение лесов продолжается быстрыми темпами. Все это больше напоминает жест отчаяния. Ведь там, где реально действуют принципы неагрессивного отношения к природе, нет необходимости принимать деревья в монахи для их спасения.

* * *

Как видим, где-то экофильные традиции работают, где-то – нет, где-то они помогают выжить дикой природе, где-то от них мало проку. Но в целом ситуация повсеместно изменяется в худшую сторону. “Благочестивое” поведение отдельных людей не может ничего исправить. При значительном росте населения другого ожидать и не приходится, конфликты с природой неизбежны. И никакие религии и культурные традиции не в силах это предотвратить. Кроме того, благополучие отдельных видов – любимых, почитаемых, священных – и отдельных участков природы еще не означает гармонии с природой в целом. Все это гораздо сложнее.

Вклад народов Юго-Восточной Азии в уничтожение дикой природы весьма существенен, какие бы “правильные” с экологической точки зрения вероучения они ни исповедовали. Прежде всего, это колоссальный рост численности населения. Ведь на сравнительно небольшой территории от Индии до Китая и Японии проживает почти половина жителей земного шара. Плотность населения в Бангладеш составляет 886 чел./км², в Японии – 333, в Индии – 311.* О каком сохранении дикой природы

* www.worlds.ru.

* www.worlds.ru.

при такой скученности людей можно говорить? И к этому самое непосредственное отношение имеют народные традиции и верования.

Возьмем для примера Китай. В конфуцианстве важное место занимает культ предков. Каждая семья имела свой храм предков или небольшой алтарь. Здесь им приносились регулярные пожертвования – пища, деньги и т. п. Потомки как бы содержали своих предков в загробной жизни. Самое страшное для китайца было остаться без детей, в таком случае о нем некому будет заботиться после смерти (Кулаков, 1997). И чем больше детей, тем лучше. Поэтому долгое время никакие попытки китайского правительства снизить рождаемость до минимума не имели успеха. Индия, вполне вероятно, скоро догонит Китай по числу жителей. И немалая заслуга в этом также религиозных традиций. А ведь без обуздания демографического взрыва можно будет лишь вести дебаты о том, сколько миллиардов человек сможет прокормиться на Земле. Для дикой природы в любом случае места не останется.

По моему мнению, восточные религии в плане охраны природы не более действенны, чем “западные”. По крайней мере, страны Юго-Восточной Азии занимают сейчас одно из первых мест в мире по темпам и масштабам уничтожения дикой природы.

Все выше сказанное подтверждает сделанный мною ранее вывод – дело не в религии, дело в человеке (Грищенко, 2000).

“Зачем нужен слон советскому человеку?”

Вернемся к японцам. На этом примере можно хорошо показать одну из проблем. “Загадочность”, о которой я говорил выше, проистекает, прежде всего, из-за банального непонимания европейцами и американцами менталитета другой нации. Это то, о чем писал Л.Н. Гумилев (2001): многие европейские понятия и подходы неприменимы к Востоку. Каган – не то же самое,

что король или император, это выбранный пожизненно военный вождь, шаман – прежде всего знахарь, а не священник и т. п. Азиатское и европейское понимание термина “народ” и этнического единства не совпадают. Причем, различались они и в самой Азии. Китайцем мог считаться любой, кто воспринимал основы китайской нравственности, образования и правил поведения, происхождение и язык роли не играли. А вот персом можно было только родиться. Чтобы считаться хунном, надо было стать членом рода либо с помощью брака, либо повелением шаньюя.

Японцы воспринимают природу не так как европейцы. Вот что пишет об этом У. Тиде (Thiede, 1982). Японец может часами возиться со своими деревцами-бонсаи и при этом не замечать, что его собака на короткой цепи тщетно пытается добраться до миски с водой. На крестьянских земельных участках, которые до последнего уголка засажены ухоженными растениями, нет ни одной коровы, ни одна утка не ходит по двору, редко можно увидеть собаку или кошку. Под природой японцы понимают определенное четко очерченное явление, которое не включает многое из того, что по нашим представлениям к ней относится. А именно – из нее практически полностью выпадают животные. Соответственно, и из любви к природе. Животные являются лишь периферийными декоративными фигурами, призванными оттенять элементы пейзажа или красоту растений. Так, золотые рыбки в маленьком японском ландшафтном саду благодаря сверкающей золотом окраске и подвижности хорошо подчеркивают зелень сада, усиливают впечатление тишины и близости к природе.

Это можно продемонстрировать на конкретном примере. В последние десятилетия стали популярными календари с красочными фотографиями птиц. Так вот, если на календарях, изданных в Европе или Америке, обычно приводятся портреты птиц, сценки из жизни и т. д., птицы являются главными персонажами снимка, то на

японских календарях они, как правило, лишь деталь общей картины – птицы среди цветов и т. п.

Между прочим, все это – издержки буддистской религии. Если животных нельзя употреблять в пищу, то с практической точки зрения их как бы не существует. Они – всего лишь часть пейзажа. Это уже сейчас многие редкие виды объявлены в Японии национальными памятниками, но это вполне рациональное природоохранное законодательство, веяние времени, религия и народные традиции тут ни при чем.

Приведенные выше примеры негативного воздействия человека на природу можно объяснить отходом от дедовских традиций, охлаждением в вере и т. п. Но в таком случае, что могут дать чужие верования и традиции нам, если они уже утратили действительность и у себя на родине? Но даже и без этого использовать восточные религии для охраны “западной” природы не так просто.

Проблема первая. Верования, традиции и т. п. являются составной частью определенной этно-культурной среды. Попытки “пересадить” их в другие условия могут иметь не больше успеха, чем потуги выращивать бананы в тундре. Ну что православным жителям Украины и России до того, что правоверные иудеи и мусульмане не едят свинины, а индуисты – говядины? Можете сколько угодно пропагандировать подобные взгляды, это ни на йоту не изменит рацион наших сограждан. Украинцы не перестанут любить сало только из-за того, что свинья где-то считается нечистым или священным животным. А вот что уже существенно уменьшило потребление говядины во многих странах, так это “коровье бешенство”, победно шествующее по планете. Так, в Японии после первого же подтвержденного случая заболевания более 2 тыс. школ исключили говядину из меню в своих столовых, цены на нее упали на 20 % (Приходько, 2001). Это к вопросу о ответственности “рациональных” и “иррациональных” аргументов.

По большому счету, этические принципы восточных религий в наших краях можно использовать лишь как положительный пример принципиально иного отношения к природе. Однако тут важно не переусердствовать, потому что все это напоминает нехитрый прием, которым пользуются родители и учителя, воспитывая нерадивое чадо: “Ты плохой, не слушаешься маму с папой и не хочешь учиться, а вот мальчик Вася – он хороший, потому что делает все как надо”. Действенность такого метода воспитания читатели могут оценить сами, причем сразу с обеих сторон “баррикады” – и как бывшие дети, и как нынешние родители. Навязчивое использование одного и того же положительного примера может привести разве что к появлению устойчивой неприязни к “мальчику Васе”, особенно если ребенок уже достаточно взрослый и имеет какие-никакие свои представления о жизни. А человечество уже давно прошло этап “детства”.

Интересно, как В.Е. Борейко представляет себе распространение “позеленевшего” буддизма или аморфной “религии природоохраны” в странах СНГ? Эти рецепты хороши для Америки с ее толерантным отношением к чужим верованиям. Можешь поклоняться хоть зеленым человечкам с Марса, тебя никто не осудит, лишь бы это не мешало жить другим. На мусульман американцы стали смотреть косо лишь после неоднократных терактов, до этого они никому не мешали. Обращение в обновленный буддизм и различные экзотические культы стало даже модным. У нас же отношение доминирующих религий к своим “конкурентам” совершенно иное. Достаточно вспомнить, хотя бы, реакцию Русской Православной Церкви на визит Иоанна Павла II в Украину. В совместном молебне памяти жертв терактов 11.09.2001 г. в США принимали участие представители различных религий. У нас я что-то с трудом представляю себе совместный молебен хотя бы православных с католиками или иудеями, а уж тем более с “язычниками”.

Проблема вторая. Человек научился прекрасно манипулировать верой и религией. Если какая-либо религия запрещает ему делать то, что очень хочется или жизненно необходимо, он может или имитировать веру, усердно соблюдая обряды, но напроочь игнорируя суть (например, христианские заповеди “не убий” и “возлюби ближнего” не сделали человечество менее воинственным), либо вообще сменить вероисповедание. Я уже рассматривал эту проблему более детально (Грищенко, 2000), не буду повторяться. Именно второй вариант, кстати говоря, и предлагает В.Е. Борейко. Поскольку ни одна из существующих религий не устраивает его в природоохранном аспекте полностью, он предлагает создать новую – “религию природоохраны” (Борейко, 1999б, 2000). Все бы ничего, но где гарантия, что другие “неудовлетворенные” не создадут, например, религию охотников или лесорубов? И добро если последователи этих новых “вероисповеданий” будут просто молиться своим “богам”, не замечая друг друга. А если начнутся новые “религиозные войны”, например, между противниками любительской охоты и ее сторонниками? Религия – слишком сложная сфера нашей жизни, имеет слишком большое влияние на людей, чтобы заниматься детскими играми с ней.

“На Аллаха надейся, но верблюда привязывай”

Могут ли народные традиции, включая традиционные верования и даже предрассудки, служить делу охраны природы? Вне всякого сомнения. Однако реальная польза от них самой природе будет лишь в том случае, если они войдут составной частью в каркас здания, фундаментом которого является наука. *Чувство* не может заменить *действие*, а оно должно базироваться на *знании*, иначе один шаг до беды (Грищенко, 2002).

Когда вы найдете под линией электропередач белого аиста с перебитым крылом,

чувство скажет вам, что птице желательно помочь. Но это и все, что оно сможет сказать. Дальше уже нужны конкретные знания и навыки. Просто же проливать слезы – “птичку жалко” – бесполезно. Для аиста, во всяком случае.

Я считаю, что необходима выработка новой идеологии и философии охраны природы, экологического мировоззрения (В.А. Зубаков (2002) называет его экогеософским). При этом у нас нет пути назад, “в пещерах” все было не столь радужно с охраной природы, как это многим представляется (Грищенко, 2001б). Разумеется, мы должны использовать весь накопленный человечеством опыт и опираться на народные традиции и верования. Однако необходим их отбор и критическое переосмысление на новом уровне. Если одни традиции нужно поддерживать или возрождать и развивать, то другие – нейтрализовать (например, негативное отношение к совам, летучим мышам, змеям во многих странах). При непосредственной же опоре на народные традиции и верования мы будем неизбежно сталкиваться с целым рядом трудностей.

1. Они хорошо работают, так сказать, в нормальных условиях. Но когда перед человеком стоит выбор – отойти от старых обычаев или умереть от голода (или тем более в бессилии наблюдать, как от голода умирают твои дети), далеко не каждый пойдет по второму пути. Рост численности населения во многих странах и попытки обеспечить ему более или менее приемлемый уровень жизни, а местами и просто все обостряющаяся нищета, приводят к тому, что старые экофильные традиции перестают быть действенными.

2. Современные люди прекрасно понимают условность религиозных запретов. Это для наших предков нарушение их было равносильно самоубийству. Так, осетины верили, что человека, взявшего что-либо в священной роще, ждет неминуемая мучительная смерть. Причем, за срубленный сук расплата наступала самого святотатца, за

дерево – всю его семью, а за погубленную рощу – все племя (Попов, 2002). Но уже и в древности от религиозных табу отступали не так уж редко, о чем говорит хотя бы существование великого множества искупительных и очистительных обрядов. Человек давно освоил принцип “Нельзя, но если очень надо, то можно”. Это, кстати, у нас от предков. Многие моральные нормы базируются на инстинктивных запретах. Но инстинкт дает и поблажку. Поскольку среда обитания не настолько идеальна, чтобы соблюдались все запреты и требования, вид, который не имеет “обходных путей” для их преодоления, будет проигрывать в конкуренции (Дольник, 1993). Природу человека не удалось преодолеть еще никому, и с этим нужно считаться.

3. Можно вполне прекрасно относиться к тому или иному виду, но при этом косвенно лишить его возможностей к существованию. Например, любить белого аиста, но срубить на дрова дерево, на котором он гнезвился, и распахать лужайку, на которой он собирал корм. Саму птицу вы не трогали и все так же радуетесь, когда ее видите, но ей уже негде гнездиться и нечем кормиться. Именно это происходит сплошь и рядом в странах Юго-Восточной Азии. Толерантное отношение к виду – необходимое условие его благополучия, но отнюдь не достаточное.

4. Опора на народные традиции и верования может помочь в сохранении отдельных видов и экосистем, но не природы в целом. Для этого нужны экологические знания. Во-первых, благоденствие одних видов (священных, почитаемых, хозяйственно значимых и т. п.) нередко оборачивается проблемами для других, а это неприемлемо с точки зрения экологической этики. Все виды, как и все люди, имеют равные права на существование. Виды – это исторические индивидуумы, индивидуальные проявления жизни, которым мы имеем так же мало права причинять ущерб, как и человеческим индивидуумам (Горке, 2002). Во-вторых, нам никуда не деться от соб-

ственных интересов человека, а хозяйственная деятельность неизбежно приводит к большему или меньшему отрицательному воздействию на природу. Задача охраны природы – минимизировать это отрицательное воздействие и по возможности его компенсировать. Религиозные представления в данном случае могут быть лишь мотивацией, но добиться результата можно только при помощи новых технологий и понимания всей сложности взаимосвязей и механизмов саморегуляции в природе.

5. Любая религия – это не только отношение к природе. Она включает философское учение, нормы поведения, обряды, особенности питания и т. п. Если распространять с природоохранными целями, например, индуизм, придется принять и его жесткое деление на касты. Что-то не вижу желающих стать неприкасаемыми. С этой проблемой столкнулся князь Владимир при выборе веры. Народная легенда гласит, что ислам он отверг из-за запрета употреблять спиртные напитки. Впрочем, Л.Н. Гумилев (2002) придает ей менее ироничный вид: если бы князь отказался от совместных пиров с дружиной, она бы его, мягко говоря, не поняла. Поймут ли призыв стать джайнистами те, кто не хочет быть вегетарианцем, а буддистами те, кто не хочет распрощаться со своими желаниями? Создание же новых культов должно сопровождаться разработкой обрядов и норм поведения, без чего нет религии. При этом есть большой риск, что первичная идея окажется выхоленной и то, ради чего все затевалось, будет забыто, а “неофиты” увлекутся чисто внешней стороной нового учения. История многих экзотических сект тому свидетельство.

6. Религиозные нормы создавались сотни и тысячи лет назад и остаются практически неизменными, благодаря догматизму, свойственному религии. А ведь за прошедшее время много чего изменилось. Далее. Религиозные учения возникали в конкретных природно-исторических условиях. Распространяясь же среди других народов

и в другие эпохи, они попадали на совершенно иную почву. Благодаря всему этому не так уж редко старые религиозные предписания оказываются “не к месту”. Для верующего человека большой проблемы в этом нет, но для нас в данном случае важна эффективность религиозных норм в охране природы. А они могут идти как раз вразрез с природоохранной логикой. Например, с точки зрения буддизма, нельзя отломать ветку дерева, дающую тень (Борейко, 2000). Это вполне логично для страны с жарким климатом, где мало деревьев. Ну а если из-за тени от этой ветки чахнет другое растение, причем один из последних экземпляров какого-нибудь реликтового вида? Буддистов заботит сохранение чистоты воды, соблюдение тишины (Борейко, 2000). Ну а если речь идет об охране огромной колонии птиц на берегу реки, которая, естественно, и шумит, и загрязняет воду?

Можно возразить, что вовсе не обязательно действовать по принципу “заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет”. Согласен. Нужно выбирать, какими нормами руководствоваться в каждом конкретном случае. Но это уже выбор на основе *разума*, а не *веры*. И крайне желательно, чтобы он базировался на знании и понимании происходящего.

Закончить эту статью я хочу словами Н.Н. Моисеева: “Любые истины относительны и всегда таковыми и останутся – абсолютной истиной может обладать только АБСОЛЮТНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ, которым никогда не станет человек. Но, признавая, что абсолютная истина это тоже объект веры, что любое знание всегда было, есть и будет относительным, мы в своих практических действиях обязаны принять постулат о том, что сегодня более надежной информации, чем та, которую может предоставить современная наука, у человека нет! И этот факт должен войти в сознание людей, должен стать актом веры” (Моисеев, 2000, с. 22).

Именно вера в знание должна быть “религией” охраны природы.

ЛИТЕРАТУРА

- Борейко В.Е. (1999а): Охрана птиц с позиций восточных религий. - Беркут. 8 (2): 217-219.
- Борейко В.Е. (1999б): Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 38-39.
- Борейко В.Е. (2000): Постигание экологической теологии. Киев. 1-87.
- Борейко В.Е. (2001): Спасти птиц может и вера, и любовь, и благоговение. - Беркут. 10 (1): 117-120.
- Браунер А.А. (1923): Сельскохозяйственная зоология. Госиздат Украины. 1-436.
- Винокуров А.А. (1992): Редкие и исчезающие животные. Птицы. М.: Высшая школа. 1-446.
- Гафаров Ю. (2002): Лесосеки для Японии. - Вести СоЭС. 2: 53-54.
- Горке М. (2002): Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 101-108.
- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. ж. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001а): Журавли в народных верованиях - Гуман. экол. ж. 3 (2): 13-22.
- Грищенко В.Н. (2001б): Новые мифы о главном: первобытный человек и природа - Гуман. экол. ж. 3 (2): 56-74.
- Грищенко В.Н. (2002): Есть ли альтернатива? - Гуман. экол. ж. 4 (1): 45-57.
- Гумилев Л.Н. (2001): Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ. 1-560.
- Гумилев Л.Н. (2002): Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ. 1-839.
- Даревский И.С., Орлов Н.Л. (1988): Редкие и исчезающие животные. Земноводные и пресмыкающиеся. М.: Высшая школа. 1-463.
- Дольник В.Р. (1993): Этологические экскурсии по запретным садам гуманиитариев. - Природа. 1: 72-85; 2: 73-86; 3: 63-71.
- Дорст Ж. (1968): До того, как умрет природа. М. 1-415.
- Зайцев Н.С., Бямба Ж., Яншин А.Л. (1993): Геология и охрана природы Монголии. - Природа. 3: 50-59.
- Зубаков В.А. (2002): Экогеософская мировоззренческая парадигма. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 12-38.
- Игнатьев С.М. (2001): Из истории охраны природных богатств русских морей. - Гуман. экол. ж. 3 (2): 28-33.
- Кеппен Ф.П. (1896): К истории тарпана в России. - Журн. министерства народного просвещения. 1: 96-171.
- Крафт К. (2001): Зеленый буддизм. - Гуман. экол. ж. 3 (2): 89-93.
- Кулаков А.Е. (1997): Религии мира. М.: АСТ. 1-352.
- Лебедь Е.А. (2000): Выбор веры и охрана природы. - Беркут. 9 (1-2): 129-132.
- Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. (1996): Экологическая этика: буддизм и современность. Улан-Удэ: ВСГТУ. 1-155.
- Массовая гибель грифов. - Природа. 2001. 6: 31.

- Микляева И.М. (2002): Дорогами Монголии. - Природа. 3: 38-45.
- Моисеев Н.Н. (2000): Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры. 1-224.
- ван Орден К., Паклина Н.В. (2001): Волшебное озеро Ламола-цо. - Природа. 10: 37-44.
- Орлов Г. (2002): Ограбление века. - Охота и охот. х-во. 4: 1-3.
- Паклина Н.В., ван Орден К. (2000): Кианги и другие обитатели Тибета. - Природа. 1: 40-49; 2: 35-44.
- Панов Е.Н. (2001): Бегство от одиночества. Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. М.: Лазурь. 1-640.
- Пикунов Д., Середкин И. (2002): Медведи Дальнего Востока. - Охота и охот. х-во. 5: 12-14.
- Попов К.П. (2002): Священные объекты дикой природы республики Северная Осетия – Алания, их классификация, состояние и перспективы сохранения. - Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты. Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-8". Киев, 27–30 мая 2002 г. Киев. 132-141.
- Приходько В.И. (2002): Олень с роковым запахом. - Природа. 4: 32-39.
- Приходько О. (2001): "Коровье бешенство" шагает по планете. - Зеркало недели. 6.10. 39: 13.
- Риган Т. (1999): Звери правы, люди неправы. - Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. Киев. 86-106.
- Соколов В.Е. (1986): Редкие и исчезающие животные. Млекопитающие. М.: Высшая школа. 1-519.
- Тобиас М. Джайнизм и экология. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 108-111.
- Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. (1976): Красная книга. Дикая природа в опасности. М.: Прогресс. 1-479.
- Экогеология. Голоса Севера и Юга. М.: Испо-Сервис, 1997. 1-368.
- Deb D., Deuti K., Malhotra K.C. (1997): Sacred grove relics as bird refugia. - Cur. Sci. 73 (10): 815-817.
- Fuller E. (2001): Extinct birds. Oxford: Oxford Univ. Press. 1-398.
- Hancock J.A., Kushlan J.A., Kahl M.P. (1992): Storks, Ibises and Spoonbills of the World. Academic Press. 1-384.
- Luther D. (1995): Die ausgestorbenen Vögel der Welt. Magdeburg: Westarp Wissenschaften. 1-203.
- Thiede U. (1982): Japanibis und Japanische Nachtigall als Beispiele zweier Pole im Naturverständnis der Japaner. - Mitt. Ges. für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Hamburg. 90: 1-190.
- Yamashina Y. (1962): Present status of the Japanese White Stork. - ICBP Bull. 8: 99-102.

Грищенко В.Н.,
Каневский заповедник, г. Канев,
19000, Черкасская обл.,
Украина (Ukraine).

Книжкова полиця

Вийшли з друку:

- Бокотей А.А., Соколов Н.Ю. Каталог орнітологічної колекції Державного природознавчого музею. Львів, 2000. 164 с.
- Белик В.П. Птицы степного Придонья: формирование фауны, ее антропогенная трансформация и вопросы охраны. Ростов-на-Дону, 2000. 376 с.
- Давыгора А.В. Орнитологическая фауна Оренбургской области. Периодизация и итоги исследований. Состав и особенности. Библиография. Оренбург: ОГПУ, 2000. 84 с.
- Лебедев И.Г. Значение и происхождение русских названий птиц России и сопредельных государств. М., 2000. 131 с.
- Николаев В.И. Болота Верхневолжья: Птицы. М.: Рус. ун-т, 2000. 208 с.
- Резанов А.Г. Кормовое поведение птиц: метод цифрового кодирования и анализ базы данных. М.: Издат-Школа, 2000. 223 с.
- Фефелов И.В., Тупицын И.И., Подковыров В.А., Журавлев В.Е. Птицы дельты Селенги: фаунистическая сводка. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001. 320 с.
- Ильяшенко В.Ю. Таксономический и правовой статус наземных позвоночных животных России. М., 2001. 150 с.
- Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Лобачев Ю.Ю., Якушев Н.Н. Животный мир Саратовской области. Кн. 1. Птицы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 216 с.
- Экология и охрана пойм и низинных болот Полесья. Минск, 2000.
- Исследования на охраняемых природных территориях северо-запада России: Мат-лы региональной научной конференции, посвящ. 10-летию Валдайского нац. парка. Великий Новгород, 2000. 346 с.
- Андрієнко Т.Л., Андрієвська О.Л., Арап Р.Я. та ін. Заповідні скарби Сумщини. Суми: Джерело, 2001. 208 с.